

ВИРТУАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ»: ПОВОД К САМООПРЕДЕЛЕНИЮ

Николай Кацук

Моим учителям

Попробую рассмотреть <http://belintellectuals.com/discussions/> как модель белорусского интеллектуального сообщества, если таковое, конечно, имеется не только в качестве эйдоса. Запускающим механизмом сего рассмотрения выступил мой комментарий от 23.05.2005 15:43 <http://belintellectuals.com/discussions/comments.php?id=25> и последующие реакции на него.

При этом, в той или иной степени, я буду вынужден обращаться к смежным темам, возможно, даже отвечу на вопросы, кто такой интеллектуал, что такое номинация, действие и где можно все это почитать.

Объединяет эти комментарии объем — они одинаково малы относительно прочих комментариев. На мой взгляд, это свидетельствует о незначительности моей реплики в понимании их авторов. Возможно, впрочем, что авторы, намеренно или случайно, делали мою реплику незначительной.

Но важнее другое — их объединяет требование легитимации моих высказываний либо через апелляцию к полю символического научного производства (условно говоря, покажи справку, что ты право имеешь), либо путем постановки вопроса о критериях профессиональной пригодности.

Итак, мы уже имеем два образа легитимности: «ты — кто такой» и «ты для кого такой», — которые дополняются третьим, пожалуй, единственно возможным образом, а именно: обращается к дисциплинарным правилам топика разворачивающейся коммуникации. Мол, здесь на вопросы отвечают, а «ты такой чего здесь делаешь?».

Сейчас я сделаю следующее: я переинтерпретирую требования легитимности как проблемы интеллектуала. Для этого я вынужден самоопределиться: я — интеллектуал. Иными словами, я номинировал (назвал) себя интеллектуалом. Является ли это действием? Мне, разумеется, удобно считать, что является, однако, честности ради, оговорюсь. Действие (в веберовском смысле — действие=Handlung) направлено на Другого и связано со смыслом, вкладываемым в него актором.

Итак, я называю себя интеллектуалом прежде всего для Другого, т. е. моих уважаемых оппонентов. Смысл этого состоит в том, чтобы побудить их к самоопределению. Принять мою трактовку («ты — интеллектуал, я хочу быть похожим на тебя»), и тогда я выигрываю в интеллектуальной борьбе), либо оспорить ее, предложив свою («ты не интеллектуал, я — интеллектуал»), и тогда борьба продолжится, потому что я просто так не сдамся).

Здесь не хватает еще одного возможного варианта. Мои оппоненты могут меня не заметить, проигнорировать и обратиться к нерелексивной интеллектуальной доксе — «нас (интеллектуалов или просто граждан) должна интересовать...». То есть в приличном обществе не говорят о приличности его членов. Это и есть та самая докса — по умолчанию подразумевается, что «мы и есть интеллектуалы»¹.

Анонимность этого «мы» снимает ответственность с «я» и позволяет тем самым ничего не давать, а только требовать.

¹ Кстати, как можно писать об университете, не замечая текст Бурдые «Университетская докса»?

Таким образом, к критериям действия необходимо добавить еще один — действие должно вызывать изменение в том, на кого или на что оно направлено. В противном случае действие не свершается, превращаясь в холостой выстрел.

Исходя из этих соображений, я формулирую свои проблемы как интеллектуала — с надеждой, что это не только мои проблемы.

С методологической точки зрения они описываются простой схемой — контур порождения / контур применения². Рисуются эти контуры просто — на один наложен другой. Выглядит это так: буква «Г» в зеркальном отражении — контур порождения; и латинская буква «L» — контур применения. Между двумя контурами существует совместная область.

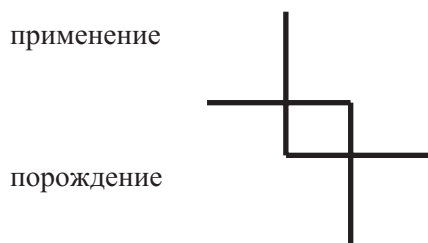

Схема проста. Нечто порождается, переходит в некую пограничную область, и нечто применяется. Проблемы интеллектуала таковы:

1. Откуда берется интеллектуал? Какой должна быть его история?
2. Откуда он говорит? Где его место?
3. Куда он говорит? Кто его слышит?

При этом я подразумеваю, что говорение — это дело интеллектуала, оно может воплощаться в выступлениях, текстах, беседах и т. д., но в любом

случае ДЕЛО — направленное на Другого, имеющее цель³ и вызывающее изменение⁴.

Продолжим. Схема проста, но по-прежнему остается пустой. Ее необходимо заполнить каким-либо материалом. Я буду делать это социологически и заполнять социальным, опираясь на концепты Бурдьё.

Предельно упрощая, контур порождения — поле символического производства⁵. В нем производятся идеи, знания и образы. Это поле не следует отождествлять с полем образования, где эти идеи, знания, образы транслируются; администрирования, в котором осуществляется управление процессами производства или трансляции.

В соответствии с продуктами, можно задать позиции символического производства — философа, ученого и литератора⁶. Между всякими позициями в поле, а равно и в субполях, например, философии, истории философии, истории белорусской философии и т. п., ведется конкурентная борьба за символический капитал, а именно, за признание коллег. Иными словами, тот, кого цитируют, занимает позицию доминанции, тот, кто — является доминируемым⁷. Логика поля состоит в том, чтобы заставить (sic!) коллег пользоваться продуктами собственного труда (т. е. знанием), отсюда и возникают школы, направления, течения и т. д. Когда поле функционирует нормально, принуждение осуществляется его собственным номосом, заключающимся в создании нового по определенным правилам. Оказывается, что для выполнения своих функций по символическому производству проще использовать наработки другого, а не изобретать велосипед⁸. В случае нарушения автономии поля принуждение принимает иной вид — например, списка изданий, где можно публиковаться, а следовательно, где нельзя, или, что еще хуже, «договорного признания», основанного на связях, клановости, политической целесо-

² Методология, как известно, нужна для того, чтобы организовать мышление.

³ В этом плане для меня остается дискуссионным вопрос о ценности как смысле действия. Следуя Веберу, я могу исключить аффект и традицию, поскольку говорение из аффекта называется бредом, а из традиции — заклинанием или мантрой. Однако интеллектуал без ценностей? С другой стороны, на одной ценности далеко не уедешь. Возможно, ценность выступает в качестве запускающего механизма самоопределения интеллектуала и стимулирует его выход.

⁴ Да, вызывающее изменение. Он должен вызывать изменение, а не молчание.

⁵ Строго говоря, Бурдьё различает поля культурного и символического производства. Однако концептуальный статус символического поля неоднозначен. С одной стороны, оно автономно и существует наряду с другими полями; с другой, оно выступает в качестве надстройки над функционированием других полей. Например, в медицине легитимная номинация выражается в постановке диагноза, выдаче рецепта и т. д. квалифицированным (т. е. признанным государством и медицинским сообществом) врачом. Профан тоже может поставить верный диагноз, однако он не будет легитимным.

⁶ Случаи субполей литературы и кино весьма специфичны в поле символического производства и требуют отдельного рассмотрения. Еще большая специфика у поля СМИ.

⁷ Следует оговориться, что цитирование предшественников (ни в коем случае не приведение данных!) выполняет дисциплинирующую функцию, буквально, оно вводит в дисциплину. В случае борьбы за символическое господство акцент делается на современниках.

⁸ Обратите внимание, мэтры или классики, будучи современниками, друг на друга, как правило, не ссылаются — в лучшем случае используют данные для последующей критики, а то и вовсе не замечают друг друга. Ничего не напоминает?

образности, моральных нормах или просто деньгах⁹.

Отсюда, легко показать, что деятельность ученого или философа сущностно сопряжена с жесткими *знаниевыми* конфликтами со своими коллегами. Они — если, конечно, занимаются наукой, а не разыгрывают согласие — топят друг друга; большой ученый выиграл множество битв и утопил множество коллег. Согласие — свидетельство неполноценности, конфликты нормальны, поскольку функционирование науки подразумевает постоянное столкновение нового и старого знания. Если этого не происходит — наука в кризисе и не выполняет своих задач. И тогда «нормальная наука» по Куну — это кладбище.

Вернемся к интеллектуалу. Берется он вовсе не из народа, а из поля символического производства. Его история воплощается в габитусе¹⁰ делания идей ради идей, знания ради знания, образов ради образов и сопряженных с этим деланием конфликтов.

Но не всякий философ или ученый становится интеллектуалом. Помимо эрудиции и проверенных в боях идей необходимо еще кое-что.

До тех пор, пока философ решает философские проблемы, а ученый — научные, они реализуют *частный* интерес, решают *частные* проблемы. Кант это обозначил как частное применение разума. Это нормально, поле науки так и должно функционировать, социолог, например, *должен* решать социологические проблемы, развивая тем самым социологическое знание. Как только он берется решать проблему увеличения продаж чипсов, он перестает быть ученым и становится полстером — делателем опросов, то есть меняет тип деятельности: производство знания на реализацию технологии.

Итак, интеллектуалу оказывается недостаточно оставаться в поле символического производства. Нечто — предположительно, ценность — вынуждает его к выходу¹¹. Выходу куда?

Но стоп! Прежде чем написать, (что, вероятно, уже ожидается искушенным читателем), что выход осуществляется в «публичное пространство»... необходимо ответить на вопрос. Всякий ли агент, выходящий из поля символического произ-

водства, по определению является интеллектуалом?

Полагаю, что нет, иначе нам пришлось бы называть интеллектуалами:

- эрудитов, играющих в «интеллектуальные» игры, специалистов по кроссвордам;
- всякого рода «тусовщиков», светских львов, любимцев публики, превративших философию в шоу-бизнес;
- всякого рода журналистов, знающих умные слова, политических аналитиков и комментаторов;
- преподавателей, которые, обладая педагогическим талантом, популяризируют науку;
- людей, технологически использующих знание, — политтехнологов и т. п.

Я не оцениваю, хорошо это или плохо. Пожалуй, соглашусь, что это хорошо и даже необходимо. Но в языке для этих позиций уже предусмотрены места в словаре: «эрудит», «шоумен», «комментатор», «популяризатор», «технолог».

Интеллектуал — нечто принципиально иное. Один и тот же человек, разумеется, может время от времени занимать все эти позиции, но не одновременно. Одновременно не получится.

Продолжим. Полагаю, что одного только *argumentum ad litteram* будет недостаточно. Любой агент поля символического производства в той или иной степени наделен (или обделен) символическим капиталом. Интеллектуала отличает то, что к символическому капиталу (признанному имени, статусу, знанию¹²) он относится как к собственности. Следует уточнить, собственность — не есть вещь, деятельность или право. Собственность, прежде всего — социальное отношение. Блестяще это выразил Р. Коллинз:

«Собственность — это социальное отношение, *способ, которым люди обращаются с вещью*. Что означает, например, что участок «земли кому-то «принадлежит»? Это означает, что данная личность может им пользоваться, жить на нем, ходить по нему, когда он или она пожелает, и что другие люди должны покинуть его, если не получили разрешения. Если они не сделают этого, владелец может вызвать полицию или обра-

⁹ В этом случае действует номос иного поля — государственно-административного, политического, экономического, социального (если редуцировать его к связям и знакомствам). Фактически можно говорить о поглощении одного поля другим — своеобразной «аннексии», когда первоначальное название остается только «ради приличий».

¹⁰ Т. е. привычки, практического чувства.

¹¹ Выход из поля — не более чем пространственная метафора. Речь идет об изменении в практиках агента. В приведенном примере социолог покидает поле науки и попадает в экономику.

¹² См. комментарий VI.

тяться в суд, чтобы изгнать их. Собственность — это отношение между людьми, оценивающими вещи; это какой-то вид принудительного соглашения по поводу того, что кто-то должен или не должен делать с определенными вещами, и кто именно должен поддерживать других в выполнении таких актов. Именно общество делает что-то собственностью, а не какая-то нерушимая связь между индивидом и землей.

Под этим также подразумевается, что могут одновременно существовать все типы систем собственности, зависящие от того, какие именно правовые формы будет поддерживать общество. [...] Лишь *некоторые* системы собственности разрешают производить куплю и продажу посредством денег. Некоторым средневековым аристократам не разрешалось продавать свои земли, а во многих племенных обществах собственность может быть передана только вполне определенному наследнику».

Итак, я утверждаю, что интеллектual относится к себе (признанному имени, статусу, знанию) как к собственности. Его практика есть практика постоянной защиты¹³ своей собственности.

Но что означает знание как собственность? В отличие от вещи, которая может занимать только одно место в пространстве, знание одновременно может пребывать во множестве мест. Распространяя свое знание — захватывая умы, — интеллектual увеличивает свою собственность. Защищать же ее приходится от искажений, неправильного обращения, в конечном итоге, — от глупости¹⁴. В этом смысле, «моя социология» — это мое понимание и исходящее из него делание социологии, моя трактовка М. Вебера, Э. Дюркгейма, П. Бурдьё... «Чужая социология»... например, та, что записывает Дюркгейма в натуралисты.

Способ обращения с собственностью отличает интеллектuala от других агентов, выходцев из поля символического производства. Если те обращаются с символическим капиталом как с

капиталом — действуя в логике обмена, конвертируют его в другие капиталы — деньги, популярность, власть и т. д., — то интеллектual действует в логике дара. При этом он рискует, пожалуй, даже в большей степени, поскольку в любой момент его собственность (знание) может быть «экспроприирована» и обращена против него самого.

Дар предполагает альтруизм и бескорыстие в той степени, в какой дарящий готов к безответности. Но дар и корыстен, поскольку дарить выгодно, дар принижает получателя, требуя от него ответного дара¹⁵. Тем самым циркуляция даров порождает социальную солидарность.

Более свежая версия предложена Ж. Бодрийяром в книге о соблазне. Общим между соблазном и даром является необходимость ответа. Соблазн так же производит реакцию, как и дар — сломя голову броситься в расставленные сети. Интеллектual соблазняет своей собственностью. Стратегию соблазна лучше всего отражают белорусские слова «захапленне», «захопленасць», возведенные в ранг концепта, заимствующего двойственность DifferAnce.

Захоннік — захапляе, захоплены — захапляецца.

До этого я писал о знании. Теперь я буду писать об истине. Следуя за Ю. Качановым (я *вынужден* следовать, ибо не я это открыл), я буду понимать истину как событие. Социологическая истина есть то, что приводит к изменению социолога, социальной науки и социальности.

«Истина не есть атрибут социолога как такового, но она и не покоится в социальной действительности. Истина представляет собой самоотносимое событие встречи социологического исследования с социальной действительностью. Эта встреча является событием в том смысле, что она делает возможным изменение и социальной науки, и социальной действительности. Сущность истины есть возможность изменения самовоспроизводящегося социального порядка, трансформация повседневности. В том, что

¹³ Кстати, Коллинз говорит об институционализированной форме защиты прав собственности. Возможна и другая, более соответствующая нашей ситуации форма. Наша ситуация в поле символического производства во всей ее гетерономии — ситуация Дикого Запада. Собственник вынужден сам защищать свою собственность — стреляя быстро и точно.

¹⁴ Будучи студентом, я услышал на лекции Г. Я. Миненкова замечательный афоризм: «Глупость — это не отсутствие ума, это такой ум».

¹⁵ Сравните: «Но я из тех, кто дарит: я люблю дарить как друг — друзьям. Но пусть чужие и бедные сами срывают плоды с моего дерева; это менее стыдит их».

не может привести к сдвигу структурного равновесия социальной действительности, нет истины»¹⁶.

Отсюда следует:

«Заблуждение не есть некий покров, скрывающий истину. Надо решительно отбросить такое упрощенное представление. Заблуждение — это не просто ошибка и даже не структурный дефект познания, а одна из важнейших когнитивных конститuent. И дело даже не в простейшей «диалектике» типа: не будь заблуждения, не было бы и истины. Без эпистемологического разрыва истина / заблуждение, этого основополагающего различия всякого познания, действительность предстала бы как нерасчлененное пространство однородных представлений, как череда точек зрения, наделенных неопределенным онтологическим статусом. Может показаться странным, однако многие социологические дискурсы служат тому, чтобы воспроизводить, поддерживать и скрывать наше сущностное непонимание социальной действительности. Дело в том, что наличие необъективированного, нетематизированного — *доксы* как совокупности предпонятий обыденного опыта — представляет собой *condicio sine qua non* социальной действительности [54]¹⁷. Этот тезис можно обосновать следующим образом. Поскольку относительная устойчивость социальной действительности подразумевает «равновесие» объективных и субъективных структур, т. е. примат *воспроизводства* (= сохранения *status quo*) над *производством* (= изменением), постольку она имеет своим условием некое фундаментальное непонимание. Оно представляет собой незнание социальными агентами кардинальных закономерностей этого воспроизводства / производства, ведь в противном случае они могли бы реализовывать наименее вероятные серии событий, что нарушило бы

структурное равновесие и разрушило бы самождественность действительности.

Таким образом, докса отнюдь не представляет собой всего лишь донаучное осознание социальной действительности: она есть неотъемлемый момент самой этой действительности. В той мере, в какой социология символически воспроизводит равновесное состояние социальной действительности, она производит доксу, т. е. фундаментальное непонимание, которое для научного познания практически эквивалентно заблуждению».

Упрощенно говоря, социальность определенным образом структурирована. Эти структуры делают одни виды практик более вероятными, чем другие. На этой вероятности покоится процесс воспроизводства социальности. Истина направлена против сложившихся структур, делает невероятное возможным¹⁸.

Поэтому то знание, которое не приводит к трансформации социальных структур, не открывает возможности для новых практик — является докситическим знанием и работает на сохранение статус-кво. В более широком контексте, событие истины затрагивает самого исследователя, приводя его к самоопределению, и сопряжено с конфликтами внутри дисциплинарного сообщества — за ним прочно закрепляется статус возмутителя спокойствия и скандалиста.

Интеллектуал соблазняет (захватывает!) истиной: «попробуй так», « поступи непривычно», — но не навязывает ее.

Интеллектуал обращается к *общей* проблеме и предлагает иные способы ее решения. Буквально, в своей деятельности он *решает* ее, а не рассуждает о ней. В этом собственно и состоит *публичное* применение разума.

Вообще, публичное пространство возникает тогда, когда есть общая проблема. Наивно ожидать «всеобщего», «большого» пространства. Для общей проблемы¹⁹ достаточно двоих. Публичность всегда локальна. В отличие от технолога, интеллектуал рассматривает публичное простран-

¹⁶ «Эти рассуждения неизбежно приводят к выводу, что нет одной социологической истины для всех социологов. Отсутствует «метапозиционный» критерий истины, как отсутствует и внеисторическая истина. Существует лишь событие истины, а это означает, что есть лишь отнесенные к социальным позициям и локализованные в пространстве-времени социального мира ансамбли практик». — *Примечание Ю. Л. Качанова*.

¹⁷ Жижек С. Возвышенный объект идеологии / Пер. с англ. В. Софронова. — М.: Изд-во «Художественный журнал», 1999. С. 27–28. — *Ссылка Ю. Л. Качанова*.

¹⁸ Сравните: «Творец — тот, кто создает для себя невозможное и кто в то же самое время создает возможность» (Делез Ж. Переговоры 1972–1990. — СПб., 2004).

¹⁹ Характер общих проблем и задает первоначальную предрасположенность представителей социально-гуманитарных наук к занятию позиции интеллектуала.

ство не как предметную область, но как поле деятельности.

В силу двойственности своей позиции — ситуации пограничья между «уютом» научной дисциплины и полем общих проблем — интеллектуал нуждается в мужестве. Он должен быть готов выдерживать удары и своих эрудированных коллег по цеху, и обывателей, требующих простоты.

Так что же с виртуальной коммуникацией «интеллектуалов»? Заявленный анализ так и остался незавершенным проектом. Но вот характерные черты «коммуникации»:

- Анонимность: «Мы, философы...», «Мы, интеллектуалы...»
- Потребительство: «Дайте мне...», «Представьте доказательства того, что в Беларуси не существовало традиции интеллектуалов».
- Безответственность: «К чему мне читать?»
- Бездеятельность: «Стараемся совершить усилие попытки сделать некий вклад в создание интеллектуальной традиции».
- Самоуверенность и снобизм: «Ну, слушал я ее, эту Вашу социологию — и что?»
- Глухота — слепота: «И это ты называешь своей социологией? Пара лекций, непредъявленные тексты...»

Ситуация Беларуси — каждый сам себе мэтр, ибо друг друга не цитируют и не замечают. В науке и философии специалистов можно пересчитать по пальцам. Поле символического производства функционирует как-то непонятно, безлично, но практически в полном согласии.

Хорошо быть единственным в Беларуси специалистом по... никто ведь не оспорит твою компетентность, просто не в состоянии, поскольку он такой же специалист в такой же узкой и никому другому в Беларуси ненужной области. А вот называть себя в профессиональной среде специалистом в философии? Уже чувствуете? Будут бить, и, возможно, ногами²⁰.

Сообщество интеллектуалов только предстоит создать:

Ich will

*Ich will dass ihr mir vertraut,
Ich will dass ihr mir glaubt,*

*Ich will eure Blicke spüren,
Ich will jeden Herzschlag kontrollieren.
Ich will eure Stimmen hören,
Ich will die Ruhe stören,
Ich will dass ihr mich gut seht,
Ich will dass ihr mich versteht.*

*Ich will eure Phantasie,
Ich will eure Energie,
Ich will eure Hande sehen,
Ich will in Beifall untergehen.*

*Seht ihr mich?
Versteht ihr mich?
Fühlt ihr mich?
Hört ihr mich?*

*Konnt ihr mich hören?
Konnt ihr mich sehen?
Konnt ihr mich fühlen?
Ich versteh euch nicht.*

Ich will.

*Wir wollen dass ihr uns vertraut,
Wir wollen dass ihr uns alles glaubt,
Wir wollen eure Hande sehen,
Wir wollen in Beifall untergehen — ja.*

*Konnt ihr mich hören?
Konnt ihr mich sehen?
Konnt ihr mich fühlen?
Ich versteh euch nicht.*

*Konnt ihr uns hören?
Konnt ihr uns sehen?
Konnt ihr uns fühlen?
Wir verstehen euch nicht.*

Ich will.

Rammstein / “Mutter”,

*Я научился ходить; с тех пор
я позволяю себе бегать. Я научился
летать; с тех пор я не жду
толчка, чтобы сдвинуться с места.*

*Теперь я легок, теперь я летаю,
теперь я вижу себя под собой,
теперь Бог танцует во мне.*

Так говорил Заратустра.

Ф. Ницше

²⁰ А зачем Беларуси специалисты в... Как бы кого-нибудь не обидеть?.. В постмодернистской социологии? Чтоб были? Но они нужны только социологии. А вот Беларуси *нужны* специалисты в СОЦИОЛОГИИ.

Литература

1. Бодрийяр Ж. *Соблазн*. — М., 2000.
2. Бурдьё П. *Клиническая социология поля науки*
http://sociologos.narod.ru/textes/bourdieu/PB_sociologie_clinique.htm
3. Бурдьё П. *Поле интеллектуальной деятельности как особый мир*
http://bourdieu.narod.ru/bourdieu/bourdieu/PBchoses_dites32.htm
4. Бурдьё П. *Поле науки*
http://bourdieu.narod.ru/bourdieu/PB_champ_scientifique.htm
5. Бурдьё П. *Социальное пространство и символическая власть*
http://bourdieu.narod.ru/bourdieu/PBchoses_dites31.htm
6. Бурдьё П. *Университетская докса и творчество: против схоластических делений*
<http://bourdieu.narod.ru/bourdieu/PBdoxa.htm>
7. Делез Ж. *Переговоры 1972–1990*. — СПб., 2004.
8. Кант И. *Ответ на вопрос: «Что такое Просвещение?»* // Кант И. *Сочинения: В 6 т. Т. 6. С. 25–36.*
9. Качанов Ю. Л. *Социологическая истина и либеральный консенсус* // СоЦис, № 2, 2005.
10. Коллинз Р. *Любовь и собственность / Коллинз Р. Социологическая интуиция. Введение в неочевидную социологию // Личностно-ориентированная социология: Бергер П. Л., Бергер Б., Коллинз Р. — М., 2004.*
11. Мацкевич В. В. *Вызывающее молчание*
<http://worvik.com/molch/ogl.htm>
12. Мосс М. *Общества. Личность. Обмен: Труды по социальной антропологии*. — М., 1996.
13. Ницше Ф. *Так говорил Заратустра*
<http://lib.ru/NICSH/zaratustra.txt>
14. Пэнто Л. *Интеллектуальная докса*
<http://sociologos.narod.ru/textes/pinto/pinto2.htm>
15. Rammstein “Ich will” / Rammstein “Mutter”, Motor/Universal, 2001.